

Исламизация и шафранизация образования: угроза диалогу цивилизаций?

© Фурсов К.А.^а, 2023

^а Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6756-0166; kfursov@iaas.msu.ru

Резюме. Подъем местных культур в афро-азиатском мире с конца XX в. стал реакцией на глобализацию, а подъем религиозного фактора – реакцией на неэффективность светского национализма. Во многих странах исламского мира происходит ползучая исламизация общественной жизни, а в Индии – её шафранизация (индуизация). Одна из наиболее затронутых этими процессами сфер – образование.

На материале Турции, Египта, Саудовской Аравии, Иордании, Пакистана, Индонезии, Малайзии показан ход реформирования исламистами учебных программ гуманитарных дисциплин. На материале Индии то же показано в отношении приверженцев индуистского национализма – хиндутвы. Главное внимание уделено процессу демонтажа светского государства в Турции, Пакистане и Индии в XXI в. на примере системы образования.

Размывание принципа лаицизма, поиски идентичности через образ врага и индоктринация молодежи в духе нетерпимости затрудняют способность обществ к диалогу. Это повышает риски конфликтов между этноконфессиональными общностями как внутри государств, так и между государствами.

Ключевые слова: образование, религиозный радикализм, исламизм, исламизация, хиндутва, шафранизация, секуляризм, диалог цивилизаций

Для цитирования: Фурсов К.А. Исламизация и шафранизация образования: угроза диалогу цивилизаций? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 37–45. DOI: 10.31857/S032150750024998-9

The Islamization and Saffronization of Education: A Threat to the Dialogue of Civilizations?

© Kirill A. Fursov^а, 2023

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6756-0166; kfursov@iaas.msu.ru

Abstract. The article analyzes the contemporary processes of creeping Islamization of the education sphere in Islamic countries and its saffronization (Hinduization) in India. The prerequisites have been the rise of local cultures in Asia and Africa since the late XX century as a reaction to globalization and particularly the rise of the religious factor as an answer to the inefficiency of secular nationalism.

Using the material of Turkey, Egypt, Saudi Arabia, Jordan, Pakistan, Indonesia, and Malaysia, the author shows how Islamists redesign humanities curricula for their own purposes. Using the Indian material, the same is shown regarding the adherents of Hindu nationalism, i.e., Hindutva. Main attention is paid to the process of the dismantling the secular state in Turkey, Pakistan and India in the XXI century as exemplified by the education system.

The fading of the laicism principle, the search for an identity through the image of an enemy, and the indoctrination of the youth in the spirit of intolerance hamper the capacity of societies for dialogue. It increases the risks of conflicts between ethnoreligious communities both within and between states.

Keywords: education, religious radicalism, Islamism, Islamization, Hindutva, saffronization, secularism, dialogue of civilizations

For citation: Kirill A. Fursov. The Islamization and Saffronization of Education: A Threat to the Dialogue of Civilizations? *Asia and Africa Today*. 2023. № 3. Pp. 37–45. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024998-9

ВВЕДЕНИЕ

Во многих странах исламского мира сегодня происходит ползучая исламизация, а в Индии, соответственно, шафранизация¹ (индуизация) общественной жизни, включая сферу государства. Идут эти процессы в русле широкой тенденции к индигенизации, т.е. подъему западных форм культурной иден-

¹ Шафрановый, оранжевый, цвет – священный цвет индуизма (*прим. авт.*).

тичности. (Термин принадлежит британскому японоведа Роналду Дору, а популяризирован С.Хантингтоном.) Возник этот подъем как ответ на глобализацию, которая ведет к стиранию цивилизационного разнообразия. Важная роль религиозного фактора в индигенизации – реакция на неэффективность светского национализма, который в XX в. показал неуспешность в решении социально-экономических и иных проблем Востока.

Исламизация и шафранизация ведут к размыванию секуляризма. Конечно, исторически для цивилизаций Востока характерна невычлененность религии из общественного бытия, но устоявшиеся в большинстве стран социально-политические структуры всё же ограничивают влияние религиозных норм, в том числе ради мира в условиях конфессиональной пестроты. Хотя практически все религии учат человеколюбию, если любая из них начинает определять весь образ жизни, повышается риск усиления крайних взглядов, не допускающих инакомыслия.

Названные процессы направлены как снизу, так и сверху. С одной стороны, во всём следовать Корану или «Манусмрити»² призывают неправительственные организации вроде «Братьев-мусульман» (*араб.* – «Аль-Ихван аль-муслимун») в Египте или «Союза национальных добровольцев» (*хинди* – «Рапштрия сваямсевак сангх», РСС) в Индии. В условиях социально-экономической поляризации и разбалансировки мирового порядка общества находятся в поисках самоидентичности. Средство утвердить её подчас видят в строгом следовании вере. Но при этом возникает соблазн жить по принципу «Кто не с нами, тот против нас».

С другой стороны, эти тенденции кое-где учитываются государствами и правящими партиями. В одних странах, как Египет, начиная с президента Анвара ас-Садата (1970–81), или Пакистан – с президента Мухаммада Зия-уль-Хака (1978–88), они стремятся перехватить инициативу. Например, в Египте неожиданный успех «Братьев-мусульман» на парламентских выборах 2005 г. (20%) показал, что идеологические различия между ними и правительством были не столь велики [1]. В других странах, таких как Турция при Р.Т.Эрдогане (в должности премьер-министра, затем президента возглавляет страну с 2003 г.), Египет в президентство Мухаммада Мурси (2012–13) или Индия при Нарендре Моди (премьер-министр с 2014 г.), партии с достаточно радикальными взглядами сами пришли к власти.

Одна из сфер, которые затронуты исламизацией и шафранизацией в наибольшей степени, – образование: радикалы стремятся получить мощный инструмент распространения своих взглядов.

ИСЛАМИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРЦИИ

Яркий пример наступления исламистов на систему образования – Турция. Хотя Эрдоган отрицает исламистскую направленность идеологии своей Партии справедливости и развития (ПСР), учебные программы в стране приобретают всё более религиозный характер [2]. Исламизацию образования ошутимо подтолкнули две реформы.

Во-первых, в 2012 г. меджлис (парламент) принял поправки к Закону о национальном образовании, вернув сети религиозных школ имам-хатип (подготовки имамов и проповедников) право давать среднее образование. Благодаря политике ПСР с 2003/04 по 2015/16 уч.гг. число этих школ выросло почти в 7 раз – с 452 до 3110 [3]. Достигнуто это во многом за счет репрофилирования светских школ. На школы имам-хатип (где учатся старшеклассники 14–18 лет) приходится всего 11% учеников страны, но при этом 23% государственных расходов на среднюю школу [4]. Эти заведения правящая партия рассматривает как места формирования людей, которых итальянский неомарксист Антонио Грамши (1891–1937) называл «органическими интеллектуалами» [5], а сама ПСР именуется «благочестивым поколением».

Во-вторых, в 2016 г. меджлис, невзирая на студенческие протесты по всей Турции с требованием гарантировать современное светское образование, основал Вакф просвещения³. По сути, было создано второе министерство образования с правом учреждать образовательные институты любого уровня, обучать и отбирать лояльных властям учителей и преподавателей. Членство попечительского совета Вакфа просвещения продумано так, чтобы ПСР сохраняла над ним контроль даже в случае перестановок в

² Одна из древнеиндийских дхармашастр, сборник правовых норм на санскрите (*прим. авт.*).

³ Вакф, согласно шариату, – имущество, переданное какому-либо лицу или учреждению на религиозные или благотворительные нужды (*прим. авт.*).

правительстве [6, pp. 218–219]. В исламизме ПСР видит одно из орудий усиления популярности внутри страны и повышения влияния Турции в мусульманском мире.

В вузовских программах сокращена доля философии; как доходчиво объясняют противники этой меры, сделано это, чтобы притупить критическое мышление и способность к политической мобилизации. В школьных учебниках ведущая фигура – более не первый президент республики (1923–38) Мустафа Кемаль, а Эрдоган. Кстати, хотя Кемаль тоже правил автократическими методами, двумя из «шести стрел» кемализма всё-таки были провозглашены народность и республиканизм. Исламизация же идет рука об руку с продвижением принципа вождизма. Вообще, социальная инженерия призвана через систему образования убрать из общественного сознания определенные идеи, события, деятелей и заменить их угодными власти. Дошло до того, что в духе инициатив проправительственного Профсоюза работников образования и науки из школьной программы изъят курс «Дарвин и теория эволюции».

В довершение всего в сферу воспитания и образования в Турции постоянно вмешивается государственный орган Диянет – Управление религиозных дел. Так, он одобрил чтение духовных курсов в общежитиях государственных университетов, а также учредил «коранические детские сады». Диянет был основан еще в 1924 г. согласно конституции молодой республики и задуман как инструмент полного контроля государства над религиозной сферой (отдаленный аналог Святейшего синода Российской империи). Сегодня же, когда турецкое государство оказалось – законным путем – в руках исламистов, оставшийся им в наследство от кемалистов Диянет из органа секуляризации превратился в орган десекуляризации. «Правительство Турецкой Республики, заявленная идеология которой провозглашает одним из главных столпов лаицизм⁴, парадоксальным образом захватило больше власти над религиозными делами, чем когда-либо имели султаны-халифы Османской империи» [6, p. 209].

САЛАФИЙЯ В АРАБСКОЙ ШКОЛЕ

Турецкая ПСР идейно уходит корнями в старейшую радикальную организацию исламского мира. Это египетские «Братья-мусульмане» – основанная в 1928 г. организация салафитской направленности, фундаменталисты, стоящие за возврат к идеалам эпохи пророка и четырех праведных халифов (VII в.). При попустительстве президентов Анвара ас-Садата и Хосни Мубарака «Братья-мусульмане» еще с 1970-х гг. не только создали собственную сеть частных школ, но и просочились в министерство образования Египта, где участвовали в выработке учебных программ и влияли на назначения [7]. С 2013 г., после «революции 30 июня», пришедшее к власти руководство вооруженных сил нанесло влиянию исламистов ряд ощутимых ударов.

Недавно даже власти Саудовской Аравии приняли меры против расползания образования в духе «Братьев-мусульман»: изымали книги из программ, переводили учителей на непедagogическую работу. На первый взгляд, это странно: ведь ваххабиты – тоже салафиты. Но египетская версия салафийи пугает приверженцев версии ваххабитской (принятой в Саудовской Аравии как официальная идеология), потому что трактует как отступников тех правителей, которые имеют дела с «неверными». В торговом и финансовом отношении Саудовская Аравия интегрирована в западоцентричный мир весьма тесно, не говоря о пяти базах ВВС США.

Однако и ваххабитский дух способствует нетерпимости к «неверным». Недаром из 19 террористов 11 сентября 2001 г. в США 15 были саудовцами. Более того, стремясь к образу «наимусульманнейших маликов»⁵, династия Саудов щедро жертвует на исламское образование по всему миру. На её средства в разных странах учреждено более 2 тыс. религиозных школ [8].

После терактов 2001 г. саудовские дипломаты неоднократно заверяли американскую администрацию, что их страна провела глубокую образовательную реформу, убрав из учебников высказывания, поносящие другие религии. Однако примеры школьных учебников, выпущенных уже к 2005/2006 уч.г., говорят об обратном. Так, учебник *таухида* (монотеизма) для 10 класса обличает большинство суннитов как «дурных последователей» «дурных предшественников», клеймит шиитов и суфиев как политеистов и осуждает мусульман, которые не толкуют Коран буквально. Учебники таухида, хадисоведе-

⁴ Лаицизм – принцип светского характера общественной жизни, включая государство (*прим. авт.*).

⁵ Проводится аналогия с термином «наихристианнейший король», как именовали монархов Франции. Арабское слово «малик» на европейские языки переводят как «король» (*прим. авт.*).

ния, исламской культуры, юриспруденции и коранической рецитации для 5, 8 и 11 классов наставляют учеников не дружить с неверными, не подражать им и не уважать их, а для 6 класса – не плакать на их похоронах, не молиться на их могилах и не воздвигать над ними мечетей⁶.

Три последних запрета прямо направлены против траурных обычаев шиитов, в то время как их доля в населении Саудовской Аравии составляет 10–15% [9]. В учебнике хадисоведения и исламской культуры для 12 класса не упоминается запрет ислама на принудительное обращение и, наоборот, проповедуется воинственный джихад. Встречающееся в этом контексте слово *qitāl* («битва») происходит от глагола *qatala* («убивать») и практически никогда не употребляется метафорически⁷.

Небеспристрастны и школьные учебники истории. В них ничего не говорится о территории Саудовской Аравии за пределами Наджда, а также о шиитской общине, прославляется роль первого малика Абд-уль-Азиза II (1932–53) в объединении страны и, главное, в предоставлении завоеванным племенам возможности вернуться на путь «правильной» версии ислама. Кровопролитие, сопровождавшее его войны, не упоминается. Феномены и процессы, которые господствующая идеология не одобряет, как то: насеровский Египет, панарабизм или революции в соседних странах – просто не изучаются. Под стать содержанию материалов образ их подачи. Монотонность уроков и подчас сложный для возраста учащихся язык укореняют в них пассивность, зависимость от авторитета и некритическое принятие материала. Показательно и то, что учебники предостерегают неокрепшие умы от общения с «инноваторами» (теми, кто распространяет любые новшества – *бид'а*) [10].

В соседней Иордании исламисты хотя и не правят, но добились такого влияния, что диктуют государству образовательную политику через общественное давление. В 2014 г. министерство образования выпустило учебники в духе политического ислама. Однако они подверглись критике как поддерживающие экстремизм и терроризм и в 2016 г. были заменены более взвешенными. Тогда, в свою очередь, активизировались исламисты. Они подогрели общественное недовольство, а посредством этого – в буквальном смысле – и учебники: их сжигали на школьных дворах. Министерство пошло на попятный, и изданные на 2017/2018 уч.г. книги вновь имели исламистский характер [11]. Круг замкнулся.

ИСЛАМИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В «СТРАНЕ ЧИСТЫХ»

Если в Саудовской Аравии система образования пронизана исламизмом с самого возникновения королевства, то история другого молодого государства, Пакистана, служит примером радикализации, нараставшей постепенно. Пакистан (*урду* – «страна чистых») возник в 1947 г. как светское государство с преимущественно мусульманским населением, но эволюционировал в сторону исламской республики. 80–85% населения составляют сунниты, 10–20% – шииты⁸, 1,7% – индусы⁹, 1,3% – христиане, 0,1% – приверженцы течения ахмадия¹⁰ [12]. Между тем еще в 1980-е гг. школьные учебники гуманитарных дисциплин были переписаны так, чтобы представить монолитный образ исламской страны в суннитской версии. В 2000-е гг. в Пакистане вышел аналитический материал по учебным программам, автор которого Абдул-Хамид Найяр (р. 1945 г.) попытался выяснить, как страна заработала международную репутацию убежища исламских боевиков всех мастей.

Во-первых, в головы вбивается мысль, что настоящие граждане Пакистана – только мусульмане. Например, в учебнике английского для 6 класса (Лахор, 2002 г.) говорится: «Кто я? Я мусульманин. Я пакистанец». Во-вторых, хотя предмет *исламият* (*урду* – «исламскость») обязателен только для учеников-мусульман, он приносит 25% дополнительных баллов, что ставит немусульман в невыгодное положение. К тому же доктрины ислама внедрены в предметы, обязательные для всех (общество-

⁶ Saudi Arabia's Curriculum of Intolerance: With Excerpts from Saudi Ministry of Education Textbooks for Islamic Studies. Washington, DC: Center for Religious Freedom of Freedom House; Institute of Gulf Affairs, 2006. P. 13.

⁷ Saudi Arabia's Curriculum of Intolerance. P. 29.

⁸ Country Policy and Information Note. Pakistan: Shia Muslims. Version 3.0. London: Home Office, 2021. P. 11.

⁹ По отношению к адептам индуизма употребляется принятый в журнале термин «индус», но отмечу, что это пример искажения при переводе, т.к. слово уже является существительным во множественном числе (исходное персидское *hindū* + английский окончание -s) (*прим. авт.*).

¹⁰ Ахмадия – ревайвалистское движение в исламе, возникло в Пенджабе в конце XIX в.; поскольку его основатель Мирза Гулам Ахмад объявил себя *махди* (мессией) и, по сути, попытался создать синкретическую религию, далеко не все мусульмане считают ахмади единоверцами (*прим. авт.*).

и пакистановедение, урду и английский), а это нарушает ст. 36 Конституции о защите меньшинств. В-третьих, навязывается представление о некоей «идеологии Пакистана», хотя его основатель Мухаммад Али Джинна (1876–1948) никогда о ней не говорил. Хуже того, культивируется ненависть к Индии и индусам. Так, в учебнике урду для 5 класса (Лахор, 2002 г.) утверждается: «Инду всегда был врагом ислама». В-четвертых, внушается необходимость джихада и мученичества (шахадат) [13, pp. 76–83].

Согласно убедительному выводу А.Найяра, «мейнстримное образование в Пакистане узко по интересам, эксклюзивно, сеет ненависть и не прививает ценностей универсализма, гуманизма, терпимости, объективности и критического обучения... Вопреки мнению, будто ортодоксия и воинственность исходят из религиозных семинарий, называемых мадрасами... мейнстримная образовательная система вносит вклад не меньший» [13, pp. 84–85]. В 2013 г. Национальная комиссия по справедливости и миру заключила, что количество материалов, разжигающих предвзятость или ненависть к религиозным и этническим меньшинствам Пакистана, после образовательных реформ 2006 и 2009 гг. лишь увеличилось [14].

В апреле 2022 г. за соединение религиозного образования со светским на введенную правительством Имран Хана (2018–2022) Единую национальную учебную программу обрушился с критикой видный пакистанский физик Первез Худбхай (р. 1950 г.). Систему образования своей страны он назвал худшей в мире. По словам ученого, бесконечная зубрежка молитв (предписанная в том числе при подъеме и спуске по лестнице) оставит учащимся мало времени на освоение основ предметов и развитие творческого мышления [15]. И конечно, такая политика тоже способствует подъему вождизма.

Даже в Индонезии, где ислам в силу удаленности от очага возникновения, а также влияния ранее распространенных религий всегда носил мягкий характер, исламизация образования и вообще публичного дискурса с 1970-х гг. объективно ведет к снижению градуса терпимости к другим религиям [16]. В Малайзии этот процесс осложнен этническим фактором: малайские политики используют ислам как политический инструмент, вызывая отторжение у китайской и индийской общин, на долю которых приходятся 22,8 и 6,6% населения соответственно¹¹.

Как отмечено выше, всплеск исламизации произошел вследствие неспособности светских политических режимов справиться с целым спектром проблем. Однако исламизация образования не есть простой возврат к учебным программам мадрас, в центре которых – «традиционные» религиозные дисциплины. Её называют политической попыткой поставить образование под полный контроль, при которой естественные науки и другие нерелигиозные дисциплины не отвергаются, а напротив, включаются в учебные программы с целью сделать ислам всеохватывающим каркасом, определяющим все прочие сферы знания [17]. По сути, это попытка одной цивилизации (исламской) поставить себе на службу функциональные черты другой (христианской) – эффективные государственные институты, современные формы знания – при сохранении своих субстанциональных черт.

НАТИСК ХИНДУТВЫ НА ОБРАЗОВАНИЕ

Тенденции ревайвализма набрали силу и в Индии. Процесс шафранизации идет особенно активно с 2014 г., с победы на общенациональных выборах проиндусской Бхаратия джаната парти (БДП). Позиция коммуналистов¹², а теперь во многом и государства, в том, что Индия – страна только индусов. Это центральный элемент идеологии индусского национализма – хиндутвы (*хинди* – «индусскость»).

При Моди переписаны школьные учебники истории и обществоведения: величие индусской цивилизации не только акцентируется, но и мифологизируется, а вклад адептов других конфессий принижается. Конечно, согласно последней переписи населения (2011 г.), индусы составляют 80%, но пятая часть приходится всё же на другие религиозные общины: мусульмане насчитывают 14%, христиане и сикхи – по 2%, буддисты – 1%, джайны и прочие – 1%¹³.

¹¹ Current Population Estimates, Malaysia, 2022. Department of Statistics Malaysia Official Portal. 29.07.2022. https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/cthemByCat&cat=155&bul_id=dTZXanV6UUDyUEQ0SHNW0VhpSXNMUT09&menu_id=L0pheU43NWJwRWVSZklWdzQ4TlhUUT09 (accessed 01.11.2022)

¹² Коммунализм (*англ.* – communalism, «общинность») – распространенное в странах Южной Азии обозначение религиозного национализма – идейного течения, которое считает главным признаком принадлежности человека к нации религию. Существует как индусский коммунализм, так и мусульманский.

¹³ Religion Census 2011. *Census 2011*. <https://www.census2011.co.in/religion.php> (accessed 29.10.2022)

Хотя история Индостана XIII–XVIII вв. – история преимущественно мусульманских политий, в штате Махараштра в учебниках для 7 класса период Могольской империи при шахе (1556–1605) Акбаре урезали до трех строк, а в штате Уттар-Прадеш изъяли вовсе. Резко сократил его изучение и Делийский университет. Кое-где даже утверждают факты, противоположные истине. Так, в штате Раджастан в учебнике обществоведения для 10 класса сказано, будто в сражении Акбара (мусульманина) с раджпутским князем Пратапом (индусом) при Хальдигхати 1576 г. победил второй, а не первый [18, pp. 177–178].

Мощный импульс шафранизации дала Новая образовательная политика, одобренная правительством в 2020 г. и пришедшая на смену принятой в 1986 г. На уровне штатов она уже отрететирована. К примеру, в последнее правление БДП в Раджастане (2013–18) совет штата по образованию убрал из учебников истории все упоминания первого премьер-министра (1947–64), поборника секуляризма Джавахарлала Неру, зато обильно снабдил их упоминаниями основателя хиндутвы Винайка Саваркара (1883–1966) [19]. Последний, к слову, учил: «Ненависть не только разделяет, но и сплачивает» [20] (имея в виду общего врага как стимул к объединению).

Когда в 2021 г. Университетская комиссия по грантам обновила программу по истории, ряд ученых и студенческих сообществ критиковали её за предвзятость. Повышенное внимание программа уделяет ведической литературе; «не ко двору» пришлось не только мусульманские правители, но и религиозно нейтральные древние трактаты, например «Артхашастра» и «Чарака-самхита». Из списков научной литературы выкинули работы маститых историков, таких как Рам Шаран Шарма (1919–2011) и Ирфан Хабиб (р. 1931 г.), но включили менее известных авторов, в том числе с репутацией сторонников РСС [21].

Шафранизация тоже шествует рука об руку с принципом вождизма. В преподавании истории поощряется внимание к монархам в ущерб пониманию массовых процессов; проводится идея, что своим устроением индийское общество издревле обязано радзам (вариант просвещенного абсолютизма). По сути, народ приучают к мысли, что есть люди с правом решать за него.

В связи с этим понятны взгляды коммуналистов на кастовую систему. Они воспринимают её как освященный верой общественный порядок, поэтому борьбу низкокастовых соотечественников за повышение статуса не поддерживают. В учебных программах растет тенденция затушевывать приниженное положение далитов (*хинди* – «угнетенный») и адиваси (*хинди* – «исконный житель»), как политкорректно именуют представителей низших каст и аборигенных племен. В Раджастане в учебниках обществоведения для 6–8 классов их положение объясняется сознательной жертвенностью в пользу высоких каст [22]. Ставя ситуацию с ног на голову, учебники пытаются создать впечатление, будто истинная проблема – не кастовая дискриминация, а политизация кастовых различий.

Славословие индийской цивилизации не знает границ. Кое-где утверждается, что иные физические законы были открыты в древней Индии. При этом ставится знак равенства между цивилизацией индийской и индусской. Когда ветеран РСС Динанатх Батра (р. 1932 г.) в 2014 г. возглавил комитет по реформе образования, он ввел в 7–12 классах по всей стране учебники нравственности, написанные им для школ Гуджарата. Начинаются они с восхваления богини Сарасвати, но Батра отрицал проявление в этом индуизации. «Каждая часть богини – символ какого-либо качества, которое должен воспитывать в себе ученик... Какой благомыслящий мусульманин не хотел бы иметь таких качеств?» (цит. по: [18, р. 177]) – софистически вопрошал он. Более того, сторонники хиндутвы настаивают, что именно они истинные секуляристы, тогда как члены ныне оппозиционной партии Индийский национальный конгресс – псевдосекуляристы, ибо одновременно ущемляют интересы индусского большинства и ищут его расположения [23].

Ирония истории в том, что индусские коммуналисты взяли на вооружение введенную британцами периодизацию индийской истории на индусскую/древнюю, мусульманскую/средневековую и британскую/современную. В этом выразилось то, как на восприятие индийцами собственной истории и культуры повлиял ориенталистский дискурс (в смысле, который вкладывал в это понятие арабо-американский литературовед Эдуард Саид, 1935–2003) [24].

Индусский период (до XIII в.) представляют как «золотой век» индийской цивилизации, конец которому положили мусульмане. Такая репрезентация не нова: она близка британским имперским историкам, целью которых было создать контраст «плохого» мусульманского правления с «хорошим» британским. Промывание мозгов дает плоды. Когда в 2018 г. американский журналист Алекс Трауб посетил школу мусульманской общины дауди бохра в Раджастане, на занятии 8 класса по обществоведению

ученицы заявили ему, что «славный» период индийской истории имел место до мусульманского правления [25].

Находят критики у шафранизации и глобальное политэкономическое измерение. По их мысли, приверженцы хиндутвы выступают союзниками транснациональных корпораций. Отмечается, что акцент на величии древней Индии и угнетении индусов мусульманами в средние века удачно вписывается в проект неолиберальной глобализации, т.к. маскирует факт эксплуатации Индии мировой системой капитализма в колониальный период – а значит, и сегодня [26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исламизация и шафранизация образования – иллюстрации экспансии «параллельного общества». Этим термином немецкий социолог Вильгельм Хайтмайер (р. 1945 г.) обозначил исламистские группировки турецкой молодежи Германии, которые игнорируют социальную и политическую систему ФРГ [27]. Недавно группа исследователей из Москвы и Петербурга расширила понятие «параллельного общества». В их толковании оно уже вступает в конфликт со светскими правовыми и социальными нормами государства и пытается подменить их своими [28]. В свете этой концепции смотрят на мусульманскую диаспору Европы, но применима она и к афро-азиатскому миру, к наступлению религиозных экстремистов на государство западного типа.

Именно «параллельным “обществом в обществе”» [29] называют то, что удалось создать во многих районах Египта «Братьям-мусульманам». Движение ХАМАС «раздвинуло» такое общество до пределов сектора Газа, где правит с 2007 г. В том же направлении действуют и другие радикальные организации.

Пробуждается экстремизм даже в цивилизационном поле религии, которая у многих ассоциируется с терпимостью и квиетизмом, – буддизма. Так, в Мьянме организация Ма Ба Та («Ассоциация по защите нации и религии») в агитации против присутствия мусульман в разных сферах общественной жизни задействовала свою сеть школ *дахммы* [30]. Отмечают и подъем иудаистского этнонационализма в Израиле, что тоже проецируется на сферу образования [31].

Всё это нагромождает препятствия на пути диалога цивилизаций в то время, когда он так нужен. Мало того, что это происходит внутри той или иной страны. В Турции, например, образовательная реформа 2012 г. сделала экзамен по религиозной культуре и этике обязательным по окончании 8 класса. Поскольку данный предмет навязывается с суннитской точки зрения, это оставляет в проигрыше 5 религиозных меньшинств, включая алевитов, которые насчитывают 15–20% населения [32]. В Индии студентов-мусульман принуждают сдавать экзамены в месяц рамадан, а немало вопросов сформулированы исходя из идеологии БДП, например: «Почему Бабри масджид – не мечеть?»¹⁴ Вопрос уже заряжен ответом. Неудивительно, что как реакция по мусульманской общине Индии расползаются идеи деобандизма. (Деобанд – город недалеко от Дели, где в XIX в. был основан исламский университет, дар-уль-улум, с программой фундаменталистской направленности.) Ситуация закольцовывается.

Ненастроенность на диалог цивилизаций внутри стран неизбежно транслируется и вовне. Так поиски религиозной и национальной идентичности сопровождаются складыванием образа врага. Это одна из непрременных скреп «воображаемого сообщества» (Бенедикт Андерсон), которое пытаются строить приверженцы исламизма и хиндутвы. Отталкиваясь от образа врага, можно формировать собственную идентичность, и на врага можно списать любые неудачи.

Таким образом, исламизация и шафранизация образования – процессы далеко не безобидные. По сути, в XXI в. во многих странах Востока идет демонтаж светского государства, причем независимо от цивилизационной принадлежности страны. Размывание принципа лаицизма, поиски идентичности «от противного», индоктринация молодежи в духе нетерпимости затрудняют способность обществ к диалогу. Это повышает риски политических и военных конфликтов между этноконфессиональными общностями как внутри государств, так и в межгосударственных отношениях.

¹⁴ Мечеть Бабура (*урду*), воздвигнутая в 1527 г. при основателе Могольской империи шахе (1526–30) Бабуре в г. Айодхья. По легенде, которая для индусов есть часть реальной истории, в древности на этом месте стоял дворец, где родился бог Рама. В 1992 г. разогретая агитаторами толпа индусских фанатиков разрушила мечеть, что привело к межобщинным столкновениям по всей Индии и гибели около 2 тыс. человек (*прим. авт.*).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Guindy A. The Islamization of Egypt. *Middle East Review of International Affairs*. 2006. Vol. 10, № 3. P. 95.
2. Yilmaz I. Erdoganism and Islamist Use of Education in Turkey. *Social Science Research Network*. 2018. P. 9. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3278481 (accessed 23.10.2022)
3. Lord C. Religious Politics in Turkey: From the Birth of the Republic to the AKP. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2018. P. 192.
4. Seibert T. Turkish Critics Fear Erdogan's Islamist Agenda Shaping Children's Education. *The Arab Weekly*. 16.12.2018. <https://theArabweekly.com/turkish-critics-fear-erdogans-islamist-agenda-shaping-childrens-education> (accessed 25.10.2022)
5. Şaraplı O. State Ideology and Education in Turkey, 1980–2015. New York etc.: Peter Lang, 2021. P. 201.
6. Shlykov P. The Secularization and Desecularization Nexus in the Turkish Context: What is Behind? *Politics and Religion Journal*. 2019. Vol. XIII, № 2. Pp. 199–236. DOI: 10.54561/prj1302199s
7. Wickham C.R. The Muslim Brotherhood: Evolution of an Islamist Movement. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013. P. 198.
8. El Karoui H. La fabrique de l'islamisme. Version abrégée. Paris: L'Institut Montaigne, 2018. P. 50.
9. Al Najjar O. The Saudi Shia: Between an Iranian Rock and a Saudi Hard Place. *Aljazeera*. 08.05.2019. <https://www.aljazeera.com/opinions/2019/5/8/the-saudi-shia-between-an-iranian-rock-and-a-saudi-hard-place> (accessed 22.10.2022)
10. Prokop M. Saudi Arabia: The Politics of Education. *International Affairs*. 2003. Vol. 79, № 1. Pp. 80–81. DOI: 10.1111/1468-2346.00296
11. ملخص بحوث الكتاب (133) الإسلاميون و مناهج التعليم في العالم العربي و تركيا و إيران. يناير (كانون الثاني) 2018. The Summary of the Book: (133) Islamists and Educational Programmes in the Arab World, Turkey and Iran. January 2018. (In Arabic). *Al Mesbar Studies & Research Center*. 28.06.2018. <https://www.almesbar.net/%D9%85%D9%84%D8%AE%D8%B5-%D8%A8%D8%AD%D9%88%D8%AB-%D8%A7%D9%84%D9%83%D8%AA%D8%A7%D8%A8-133-%D8%A7%D9%84%D8%A5%D8%B3%D9%84%D8%A7%D9%85%D9%8A%D9%88%D9%86-%D9%88%D9%85%D9%86%D8%A7%D9%87%D8%AC-%D8%A7> (accessed 25.10.2022)
12. Hasnain K. Pakistan's Population is 207.68 m, Shows 2017 Census Result. *Dawn*. 19.05.2021. <https://www.dawn.com/news/1624375/pakistans-population-is-20768m-shows-2017-census-result> (accessed 23.10.2022)
13. Nayyar A.H. Intensity of Pakistani School Education to Religious Diversity of the Nation. *Human Rights Education in Asian Schools*. Vol. VII. Osaka: Asia-Pacific Human Rights Information Center, 2004. Pp. 76–83.
14. Lall N., Saeed T. Youth and the National Narrative: Education, Terrorism and the Security State in Pakistan. London etc.: Bloomsbury Academic, 2020. P. 100.
15. پاکستان میں تعلیم کے اسلامائزیشن پر عمران خان حکومت پر پرویز ہودبھائے کی تنقید. Pervez Hoodbhoy's Criticism of the Imran Khan Government for the Islamization of Education in Pakistan. (In Urdu). *New Age Islam*. 17.04.2022. <https://www.newageislam.com/urdu-section/new-age-islam-staff-writer/government-for-islamisation-of-education-in-pakistan> (accessed 21.10.2022)
16. Woodward K.E. Indonesian Schools: Shaping the Future of Islam and Democracy in a Democratic Muslim Country. *Journal of International Education and Leadership*. Spring 2015. Vol. 5, № 1. Pp. 1–23.
17. Thobani S. The Dilemma of Islam as School Knowledge in Muslim Education. *Asia Pacific Journal of Education*. 2007. Vol. 27, № 1. P. 20. DOI: 10.1080/02188790601145382
18. Jaffrelot C. L'Inde de Modi: national-populisme et démocratie ethnique. Paris: Fayard, 2019. 352 p.
19. Sanghera T. Modi's Textbooks Manipulations. *Foreign Policy*. 06.08.2020. <https://foreignpolicy.com/2020/08/06/textbooks-modi-remove-chapters-democracy-secularism-citizenship> (accessed 20.10.2022)
20. Savarkar V.D. Hindutva: Who Is a Hindu? Bombay: Veer Savarkar Prakashan, 1969. P. 43.
21. Niazi S. Row over Hindu Bias in Revision of History Syllabus. *University World News*. 23.07.2021. <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20210723110337901> (accessed 17.10.2022)
22. Westerfield C. The Saffronization of Indian Textbooks. A Study of the Extent and Implications of BJP Textbook Manipulation 2002–2018. RLST 375: Hindu Nationalism. May 8, 2019. P. 14.
23. Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 33. Abramov D.B. 2011. Secular State and Religious Radicalism in India. Moscow: Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. P. 33. (In Russ.).
24. Jouhki J. Orientalism and India. *J@rgonia: elektroninen julkaisusarja*. 8/2006. Pp. 1–20.
25. Traub A. India's Dangerous New Curriculum. *The New York Review*. 06.12.2018. https://www.nybooks.com/articles/2018/12/06/indias-dangerous-new-curriculum/?lp_txn_id=1373272 (accessed 25.10.2022)
26. पटनायक प. विचार: एक समरूप शिक्षा प्रणाली हिंदुत्व के साथ अच्छी तरह मेल खाती है।

- Patnayak P. Opinion: A Homogeneous Education System Goes Well with Hindutva. (In Hindi). *NewsClick*. 01.11.2021. <https://hindi.newsclick.in/homogenised-education-system-blends-well-hindutva> (accessed 24.10.2022)
27. Heitmeyer W. Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. *Zeit Online*. 23.08.1996. <http://www.zeit.de/1996/35/heimmey.txt.19960823.xml> (accessed 21.10.2022)
28. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений: коллективная монография / науч. ред. Л.А.Андреева, И.В.Следзевский, М.Ю.Смирнов. СПб: Владимир Даль, 2021. 549 с.
2021. The Transformations of the Global Confessional Geospace: The Phenomenon of “Parallel” Societies in the System of International Political Relations: A Collective Monograph. Eds. L.A.Andreyeva I.V.Sledzevskiy M.Yu.Smirnov. Saint Petersburg. 549 p. (In Russ.)
29. Rosen E. The Muslim Brotherhood’s Concept of Education. *Current Trends in Islamist Ideology*. 2008. Vol. 7. P. 125.
30. Orjuela C. Countering Buddhist Radicalization: Emerging Peace Movements in Myanmar and Sri Lanka. *Third World Quarterly*. 2020. Vol. 41, № 1. DOI: 10.1080/01436597.2019.1660631
31. Agbaria A.K. The “Right” Education in Israel: Segregation, Religious Ethnonationalism, and Depoliticized Professionalism. *Critical Studies in Education*. 2016. Vol. 59, № 1. Pp. 8–34.
32. Keto-Tokoi R. Islam Unfettered, Control Retained: The 2012 Educational Reform in Turkey. Finnish Institute in the Middle East. <https://www.fime.fi/en/islam-unfettered-control-retained-the-2012-educational-reform-in-turkey-2> (accessed 29.10.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фурсов Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, кафедра ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Kirill A. Fursov, PhD (History), Senior Researcher, UNESCO Chair “Oriental and African Studies: Contemporary Methods of Study and Teaching”, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 02.11.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 18.02.2023